

**ЖЕНСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ МУЖЧИН:
АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ
И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ****Осипян Н.Б.**

В статье проведен анализ основных зарубежных и отечественных исследований женского насилия, осуществляемого в отношении мужчин, подчеркивается актуальность проблемы, рассматриваются основные подходы к изучению женского насилия, приведены ситуационные и поведенческие факторы совершения женщинами преступлений в семейной сфере.

Ключевые слова: *насилие в семье, женское насилие, женская преступность, виктимность мужчин, физическое насилие, жертвы семейного насилия, внутрисемейная агрессия.*

По данным многочисленных исследователей, семейное насилие вовсе не является уделом только маргинальных слоев населения. Доказано, что насилие чаще встречается в семьях наркоманов или лиц, злоупотребляющих алкоголем. Но даже в самых благополучных слоях общества не обходится без бытового насилия. Если речь идет о том, что мужчина ударил женщину, то мужчину однозначно порицают. Стоит только сказать о насилии со стороны женщины, то реакция прямо противоположная. В итоге получается ситуация с двумя взаимоисключающими выводами. В мужском насилии виноват мужчина. В женском насилии, по мнению большинства людей, тоже виноват мужчина!

Необходимо отметить, что женщины не только являются жертвами межличностного насилия и убийств, но и сами активно совершают межличностное насилие. В настоящее время криминологи и психиатры отмечают тенденцию к росту преступной активности женщин. Более 200 исследований в разных странах свидетельствуют о гендерной симметрии в совершении насилия мужчинами и женщинами в межличностных отношениях [4].

А. Бирюков приводит данные, согласно которым доля женского насилия над мужчинами, в общей статистике бытового насилия, вовсе не столь мала. В частности, по данным Департамента Юстиции США (U.S. Department of Justice, 2000) в США на 15 женщин, избитых мужьями, приходится 8 мужчин, избитых женами. Женщины в 2,5 раза чаще используют нож в качестве инструмента насилия и в 2 раза чаще наносят мужчинам ранения ножом и тяжёлыми предметами в ходе бытовых ссор, чем мужчины. В России, где гендерное поведение смешалось в меньшей степени, насилию со стороны жен подвергается

6–10 % мужей. Для женщин этот показатель равен 30 %, поэтому соотношение несколько ниже, чем в США – от 1/5 до 1/3.

Как справедливо отмечает А.В. Лысова: «одной из наименее изученных и наиболее тяжелых форм межличностного насилия является насилие между членами одной семьи или людьми, состоящими в иных интимных отношениях, например, в отношениях свиданий или сожительства. Эта проблема уже в течение нескольких десятилетий интенсивно изучается западными социологами, криминологами, психологами, врачами и учеными из других областей знания. Однако отечественные ученые взялись за детальное исследование проблемы насилия в семье только около 10–15 лет назад» [3].

Как уже отмечалось, в разное время за рубежом проводились немногочисленные исследования (С. Стайнметц, Б. Лукал, М. Страус, М. Фиберт, Б. Крахе, К. Соммерс, П. Пирсон и др.) на тему насилия внутри семьи, а именно – насилия, совершаемого женщинами против своих мужей или сожителей. В большинстве своем, эти исследования проводились в США и результаты этих исследований, как правило, совпадали и, в известной степени, подтверждали друг друга.

С начала исследований домашнего насилия в США и странах Западной Европы (60-е гг. XX в.), посвященных, в основном, проблеме избиваемых жен, укрепилось мнение, что женщины выступают только в роли жертв семейного насилия. Однако вскоре появились данные, опровергающие данную точку зрения.

Так, по данным исследования, проведенного М. Страус и Р. Геллес (Murray Straus, Richard J. Gelles, 1975), от 23 до 83 % избиваемых жен, как минимум однажды, в целях самообороны или нападения, сами совершали физическое насилие в отношении

своих партнеров. Более того, в 70-е гг. прошлого века С. Стайнметц ввела новый термин «синдром избиваемого мужа», чтобы подчеркнуть важность проблемы физического насилия в отношении мужчин в семье [10].

Американский исследователь К. Шекелфорд указывает на то, что женщины гораздо чаще убивают своих сожителей/партнеров, с которыми живут в фактическом браке, а не мужей [4].

Исследования С. Бен-Дэвида, проведенные в 1993 г., показывают, что преступления, совершаемые женщинами, как в публичной сфере, так и в семье, чаще всего эмоционально мотивированы, импульсивны. В момент совершения преступлений в семейной сфере женщины часто находятся в состоянии депрессии, отчаяния, тревоги, злости, ревности, напряжения или беспомощности. На примере собственной трехфакторной модели (стимулы – поведенческие факторы – ситуационные факторы) С. Бен-Дэвид объясняет доминирование преступлений, совершаемых женщинами именно в семейной, а не в общественной сфере, хотя мотивы могут быть одинаковыми или похожими. Что касается первого фактора – стимулов, то в силу особенностей социализации девочек через привязанность к семье и дому, внутрисемейные отношения и близость становятся для них особой ценностью, которую они хотят сохранить. Угроза же целостности семьи исходит в основном из самой семьи (отношения с мужем, детьми, родственниками), а не из общественной сферы. И хотя агрессивность и злость подавляются в процессе социализации девочек, они наблюдают и моделируют поведение своих родителей (как самозащиту, так и нападение), агрессивную манеру воспитания детей и воспроизводят это поведение позже в своей личной, прежде всего, семейной жизни, а не в общественной сфере. Так реализуется второе условие (поведенческие факторы) для совершения насилия женщинами преимущественно в семье [4].

В большинстве даже самых развитых западных обществ до сих пор присутствуют черты традиционного разделения ролей между мужчинами и женщинами, где женщины все еще идентифицируют себя с ролями жены и матери. Поэтому, когда под угрозой оказывается семья, то одновременно опасности подвергается «весь мир» женщины, ее идентичность и социальный статус. Естественно, что женщина склонна реагировать на это стрессом и тревогой. Возникшее напряжение требует разрядки, однако в общественной сфере такое снятие стресса чревато неприятными последствиями (например, есть вероятность подвергнуться насилию и пострадать от травм со стороны незнакомых или малознакомых мужчин, быть уволенной с работы, и т. д.). В семейной же обстановке женщины часто убеждены, что их дети

и муж не причинят им боли, поэтому напряжение и злость можно выплеснуть на близких.

Таким образом, все три условия, необходимые для совершения насилия женщинами, представлены именно в семье, а не в общественной сфере.

В современной западной социологии условно выделяются два лагеря исследователей. Первые (Р.П. Добаш, Р.Е. Добаш, Л. Уолкер, К. Йолло, А. Дворкин, Д. Рассел и др.) причисляют себя к феминистически ориентированному направлению («*feminist perspective*») и придерживаются идеи существования половой асимметрии в совершении насилия в семье, согласно которой мужчины – агрессоры, а женщины – жертвы домашнего насилия. Другие ученые (М. Страус, М. Фиберт, Б. Крахе, Л. Миллс, Д. Хайнц и др.) называют себя представителями направления семейного насилия («*family violence perspective*»), отстаивая идею половой симметрии, когда мужчины и женщины обладают примерно равным потенциалом в совершении насилия в семье над домочадцами (мужем/женой, детьми, престарелыми родителями). Сторонники обоих подходов строят свои исследования на разной методологической основе и базируются на разной концептуализации понятия «насилие». Некоторые ученые именно здесь видят различия в результатах и, как следствие, в мерах по предотвращению внутрисемейного насилия [4].

Теоретическим основанием для представителей этого направления, чаще всего, служит патриархальная теория, согласно которой большая власть и привилегии мужчин в социальной иерархии в буквальном смысле дают им право доминировать и контролировать поведение женщин и детей. Мотивы к продолжению отношений с мужем-агрессором, а также способы реагирования женщин на тяжелую ситуацию в семье вплоть до убийства объясняются, в основном, «синдромом избиваемой жены» и теорией выученной беспомощности, разработанной Л. Уолкер. Кратко картина семейного насилия у представителей данного направления такова: мужа или сожители нападают первыми, издеваются, унижают и оскорбляют женщин; женщины терпят подобное отношение, потому что им некуда идти (нет своего жилья), «чтобы не лишать детей отца», либо из-за страха мести; убивают жен часто в период, когда они готовы к разрыву. Женщины почти никогда не иницируют физическое насилие сами, а если и совершают его, то в основном в легкой форме (дают пощечину, швыряют предметы, толкают и т. д.); убивают женщины, лишь пытаясь защитить себя и/или детей [3].

В 1995 г. американский социолог М. Джонсон разработал концепцию о существовании двух типов насилия в семье: «обычного насилия» («*common couple violence*») и «патриархального терроризма» («*patriarchal terrorism*»). Автор предположил, что

представители феминистического направления говорят, прежде всего, о патриархальном терроризме, наиболее жестоких формах насилия в семье, где, как правило, жертвами оказываются женщины. Представители подхода семейного насилия исследуют «обычное насилие», характерное для большинства семей, где мужчины и женщины примерно в равной степени иницируют и совершают преимущественно легкие формы насилия в отношении друг друга [4].

Теоретическим основанием для исследователей школы семейного насилия, помимо патриархальных теорий, служат теории конфликта, социального обмена, структурных социальных факторов и др. Одной из первых работ, посвященных проблеме насилия в семье, совершаемого женщинами, стало исследование С. Стайнметц (Steinmetz, 1977–1978) «Синдром избиваемого мужа», в котором были подняты вопросы общественного высмеивания мужчин-жертв и проблемы латентной виктимизации мужчин в семье.

М. Страус и Р. Геллес провели исследования, показавшие, что уровень совершаемого женщинами физического насилия в семье примерно такой же, как у мужчин и даже выше. Привлекая внимание научного сообщества к вопросу женской преступности в семье, М. Страус пишет статью «Женское насилие в отношении мужчин как социальная проблема», в которой подчеркивает, что без признания существования данной проблемы эффективных мер профилактики и снижения уровня семейного насилия выработать не удастся [10].

Таким образом, западные исследователи приходят к выводу о том, что насилие в семье является результатом сложной динамики активных действий, как мужчин, так и женщин, и не является процессом односторонним. Изучение мотивации совершения женщинами в межличностных отношениях насилия и убийств собственных партнеров демонстрируют сложную картину. Мотивами и факторами риска служат опыт насилия, полученный женщиной в детстве; месть в момент благоприятной возможности (например, муж пьян); насилие как способ справиться со стрессом; депрессия; антисоциальные и пограничные черты личности; конфликтные отношения с партнером, неумение управлять своими чувствами; доминирование в случае совершения легкого физического насилия; ревность; социальная изоляция и пр.

В российской науке проблема насилия в межличностных отношениях, прежде всего в семье, относительно недавно стала предметом научного изучения криминологов (Ю.М. Антонян, А.Н. Ильяшенко, С.В. Максимов, В.П. Ревин, Д.В. Ривман, Д.А. Шестаков и др.) и социологов (И.А. Алексеева, Е.Н. Волкова, И.Д. Горшкова, Т.А. Гурко, С.В. Кочеткова, М. Малышева, П.В. Пучков, Н.М. Римашевская, М.В. Смагина,

Т.Я. Сафонова, В.В. Солодников, Е.И. Цымбал, И.И. Шурыгина и др.). В свою очередь в рамках отечественной психологии наблюдается фактически полное отсутствие исследований, посвященных выявлению факторов риска совершения женщинами насилия в отношении мужчин.

В настоящее время криминологи отмечают тенденцию роста преступной активности женщин, что приближает нашу страну к показателям преступной активности американок, где соотношение убийц-мужчин и убийц-женщин в семье – 1,3 к 1, т. е. на 100 мужей, убивших своих жен, приходится 75 жен, убивших своих мужей.

По результатам исследования А.Н. Ильяшенко, «наблюдается существенное повышение виктимности мужчин при совершении в семье наиболее тяжелых насильственных преступлений. Более того, от убийств на почве семейно-бытовых отношений, чаще всего, страдают именно члены семьи мужского пола. Так, почти две трети (64,7 %) жертв семейных убийств были мужского пола» [2, с. 92].

По мнению А.В. Лысовой, проблема также заключается в несоответствии между высоким уровнем насилия в российских семьях и имеющимися данными о формировании норм и паттернов насилия в предшествующих браку интимных отношениях. В своих социологических исследованиях автор делает акцент на насилии в межличностных отношениях в добрачный период, считая их существенным фактором последующего межличностного насилия между супругами, родителями, детьми и другими родственниками [3, 4].

Так, А.В. Лысова анализировала данные, полученные в результате анкетирования 500 респондентов, которым на момент исследования исполнилось 18 лет и имевшим опыт свиданий с партнером не менее одного месяца. В анкете измерялась частота совершения насилия против партнера в предшествующие 12 месяцев, а именно: уровень физического насилия (например, толкал, избивал партнера), психологической агрессии (оскорблял, портил любимые вещи) и сексуального принуждения (настаивал на сексе без применения силы, угрожал, применял силу). Также измерялась степень травм, полученных в результате насилия со стороны партнера. На вопрос о том, совершал ли респондент хотя бы один акт физического насилия в отношении партнера, 38 % женщин по сравнению с 24 % мужчин ответили утвердительно. Гораздо больше женщин (68 %), чем мужчин (53 %) сообщили о совершении, как минимум, одного акта психологической агрессии. Что касается совершения сексуального принуждения в отношении партнера, то примерно одинаковое число мужчин и женщин признали, что делали это (25 % мужчин и 22 % женщин) [3].

При анализе исследований детерминации насилия, осуществляемого женщинами в отношении мужчин, в России немаловажным остается такой фактор, как злоупотребление алкоголем. Так, в России 72,2 % всех убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения [3].

На фоне злоупотребления спиртными напитками или по этой причине возникают деформации образа жизни, обостряется конфликтность, искажается восприятие конкретных жизненных ситуаций. Учеными доказано, что изменение личности и поведения женщины (деградация) под влиянием алкоголя происходит за более короткий срок, нежели у мужчин. У женщин-алкоголиков динамика течения алкоголизма более злокачественна, с быстрым развитием морально-этической деградации, резким снижением круга интересов, огрублением и утратой черт женственности, угасанием родственных привязанностей, резким интеллектуальным спадом [1].

Д.В. Синьков, анализируя женскую насильственную преступность, в своих работах существенную роль отводит влиянию микросреды (непосредственное социальное окружение человека – семья, учебный и др. коллективы и группы) как фактора, способствующего появлению и укреплению таких криминологически значимых свойств человека, как агрессивность и корыстность, неприспособленность к повседневной жизни, тревожность, ощущение какой-либо неполноценности (например, закомплексованность) и т. д. Как отмечает автор, особенно сильное влияние микросреды испытывают женщины, т. к. в отличие от мужчин, им свойственно более эмоциональное восприятие негативных сторон окружающей микросреды [6, 7].

Как отмечает Л.Н. Тимошенко, «ничто не может сравниться по силе влияния в вопросах подготовки девушек к личной жизни с той огромной ролью, какую играет семья. Это богатство эмоционального мира, закладываемое семьей, становится фундаментом сферы социальных чувств личности девушек. Семья воспитывает их всем образом своей жизни, той духовно-нравственной атмосферой, которая господствует в ней, тем незаменимым богатством и теплотой, какие могут быть между очень близкими людьми» [8, с. 67].

Неблагополучная семья является источником формирования у детей негативных социальных установок. С криминологической точки зрения семейным неблагополучием признаются объективные факторы – материальная необеспеченность, неполнота семьи, болезнь или смерть родителей, их занятость на работе и т. п. [5]

Д.В. Синьков подчеркивает, что в воспитании девочки, также как и мальчика, велика ответственность обоих родителей. В повседневной жизни мать и отец,

воспитывая своих дочерей и сыновей и имея каждый свою индивидуальность, дополняют друг друга. Теряя же одного из родителей, девочка лишается целого мира нравственно-эмоциональных отношений. Так, мать вносит в воспитание девушки душевную мягкость, нежность. Отец же привносит в воспитание дух мужской твердости, требовательности, принципиальности, строгости, мужественности и четкой организованности. Поэтому воспитательный потенциал неполной семьи, в которой растет девочка, педагогически и морально-психологически ограничен. Это приводит к тому, что девочка в неполной семье не получает положительного примера создания благоприятных супружеских отношений, формирования нормальной психологической обстановки в семье [6].

Тенденцию роста насильственной преступности женщин отмечают и российские психиатры (Н.Г. Шумский, Н.Б. Калюжная, И.В. Ювенский). Крайней формой внутрисемейной агрессии является убийство. Так, согласно данным актов судебно-психиатрической экспертизы женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей и близких родственников, можно выделить, как минимум, два крайне выраженных (полярных) психологических типа женщин-убийц. Всего было обследовано 96 женщин: 25 совершили убийства мужей/сожителей в состоянии аффекта, 27 женщин убивали мужей/сожителей, не будучи в состоянии аффекта, 6 женщин убили своих детей (4 женщины убили маленьких детей и 2 – взрослых), остальные обвинялись в убийстве близких родственников (матерей, отцов, братьев) или посторонних лиц. Главные черты личности женщин, признанных совершившими убийство своих мужей/сожителей в состоянии аффекта: терпение, покорность обстоятельствам, отсутствие склонности к агрессии и то, что психиатры квалифицируют как психический инфантилизм или незрелость личности, несмотря на возраст, образование, жизненный опыт, а именно – неспособность жить собственной жизнью, брать на себя ответственность. Аффект возникал в момент «потери терпения», сопровождаемый страхом. Убийства носили импульсивный характер и совершались первыми попавшими под руку предметами. Убийство, несмотря на внешне тяжелый и агрессивный характер, обычно представляло для них первый «сброс» длительного эмоционального напряжения и было выражением скорее отчаяния и безнадежности, чем активной защиты. Орудиями убийства, чаще всего, были нож (в 16 случаях), топор, утюг, табуретка. В одном случае пьяного мужа застрелили из винтовки, в двух – пьяных мужей сбили с ног и затоптали, еще в одном случае – спящий муж был задушен, одного из мужей убил наемный убийца [9].

У всех 27 обследованных женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей или сожителей не в состоя-

нии аффекта, были сходные черты личности – раздражительность, возбудимость и агрессивность. По сравнению с первой группой обнаружена меньшая наследственная отягощенность алкоголизмом. Во всех случаях отмечалась асоциальная направленность личности, непосредственные формы проявления аффективных реакций – частые обоюдные ссоры и драки. Почти все убийства совершались этими женщинами в состоянии алкогольного опьянения [9].

Таким образом, бесспорным остается факт научно-практической потребности в более глубоком изучении и понимании детерминации женской насильственной преступности в России, значительная часть которой реализуется в сфере семейных отношений. В свою очередь, семейные отношения играют первостепенную роль в формировании как личности в целом, так и отклонений в ее развитии, в том числе обуславливающих опасное для окружающих поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. – М.: Академия МВД РФ, 1992.
2. Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. – 2003. – № 1. – С. 92–95.
3. Лысова А.В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 167–176.
4. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология: Общая часть: учебн. пособие. – Иркутск, 1999.
5. Синьков Д.В. Роль микросреды в детерминации преступного поведения женщин // Сибирский Юридический Вестник. – 2002. – № 4. – С. 51–56.
6. Синьков Д.В. Характеристика потерпевших от женской преступности и роль жертв в детерминации преступного поведения женщин (по материалам Восточно-Сибирского региона) // Право: теория и практика. – М.: Тезарус, 2003. – № 3. – С. 56–60.
7. Тимошенко Л.Н. Воспитание старшекласниц. – М., 1983.
8. Шумский Н.Г., Калюжная Н.Б., Ювенский И.В. Женщины-убийцы. Очерки судебной психиатрии. – СПб., 2004.
9. Gelles R.J., Straus M.A. Determinants of violence in the family: Toward a theoretical integration // Contemporary theories about the family. – New York: Free Press, 1979.